

Парадоксы
советской
литературы
для детей

«Убить Чарскую...»

1920-е - 1930-е гг.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ЦЕНТР ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**«УБИТЬ
Чарскую...»**

**Парадоксы
советской
литературы
для детей**

1920-е – 1930-е гг.

Составители и редакторы:
М. Р. Балина и В. Ю. Вьюгин

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2013

УДК 82-93.09

ББК 83.8

У 173

*Печатается при поддержке
фонда Исаака Фанка университета Иллинойс Везлиен, США
(Illinois Wesleyan University, USA)*

Составители и редакторы:

М. Р. Балина и В. Ю. Вьюгин

«Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для
У 173 детей (1920-е – 1930-е гг.): сборник статей / сост. и ред.
М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. – СПб.: Алетейя, 2013. – 364 с.

ISBN 978-5-91419-679-7

«Убить Чарскую, несмотря на ее женственность и мнимую воздушность, было не так легко», – этот оксюморон из известного доклада С.Я. Маршака на Первом Всесоюзном съезде советских писателей отражает одну из важных особенностей советского взгляда на творчество для детей; именно он задал основное направление дискуссии на семинаре ««Убить Чарскую...»: этические и поэтические парадоксы советского творчества для детей (1920-е – 1930-е гг.)», который проходил 3 и 4 сентября 2009 г. в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Предлагаемый сборник содержит статьи участников семинара и включает следующие разделы: «Общие проблемы», «От предыстории к истории», «Топосы и жанры», «Недетские писатели для детской литературы», «Детская литература: историческая антропология и медиальные аспекты изучения».

УДК 82-93.09

ББК 83.8

ISBN 978-5-91419-679-7

9

© Коллектив авторов, 2013

© М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин, составление, 2013

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2013

Содержание

От составителей 5

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

М. Р. Балина. Советская детская литература: несколько слов
о предмете исследования 7

ОТ ПРЕДЫСТОРИИ К ИСТОРИИ

Б. Хеллман. Детская литература как оружие: творческий
путь Л. Кормчего 20

В. Ю. Вьюгин. Д-р Фрикен в тылу врага (Маршак и газета:
к предыстории советской классики) 46

М. П. Абашева. Семиотика девичьей инициации: от институтской
повести к советской детской прозе 77

Е. И. Трофимова. «Слухи о моей смерти сильно преувеличены...»
(Творчество Л. А. Чарской после революции) 88

Р. М. Д'Арканджело. «Барабан»: шагаем с пионерами!
(Из истории детских журналов 1920-х гг.) 96

ТОПОСЫ И ЖАНРЫ

М. А. Литовская. Региональный журнал для детей в контексте
советской периодики 1920–1930-х гг.: динамика
идеологических приоритетов 110

М. С. Костюхина. «Вратарь республики» Л. Кассиля: к проблеме
спортивного формата в советской детской литературе 135

Л. В. Рудова. Экологическое сознание советской детской
литературы 1930-х гг. 152

Б. Черный. Вопрос о детстве в русско-еврейской литературе
1920–1930-х гг. 170

Е. А. Добренко. «...Весь реальный детский мир» (школьная повесть
и «наше счастливое детство») 189

С. Г. Маслинская (Леонтьева). Пионерская беллетристика vs.
большая детская литература 231

А. Типпнер. «Ленин как идеал»: как рассказать детям о вожде 246

НЕДЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ ДЛЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Е. О. Путилова.* Осип Мандельштам: детские стихи поэта
в контексте времени (1920-е гг.) 262
- М. Н. Нечаева.* «Где голы короли — опасны дети», или В чем
виноват Хармс? 272

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И МЕДИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

- К. А. Богданов.* Из истории клякс (уроки чистописания в советской
школе и медиальная антропология) 288
- А. А. Панченко.* «Религиозные инфекции» и «духовные калеки»: тема
детства в советской атеистической пропаганде 1960-х гг. 310
- М. С. Карасик.* Фотографический проект в детской книге на рубеже
1920–30-х гг. (фотосерия «ГИЗ — Молодая гвардия») 330

«Убить Чарскую...»:

парадоксы советской литературы для детей
(1920-е – 1930-е гг.): сборник статей

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Оригинал-макет *Е.С. Буракова*

Корректор *С.А. Семенов*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж:
fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Историческая книга», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездиновский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66

Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.

Тел. (495) 628-64-42

«Галерея книги „Нина“», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-20-94

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/6. Усл. печ. л. 22,24. Печать офсетная.

Заказ № 4278.

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди» на оборудовании Konica Minolta

ООО «Ваш полиграфический партнер», ул. Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6

Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

«Ленин как идеал»: как рассказать детям о вожде¹

Биография — жанр консервативный как по содержанию, так и по форме. Ее со всеми основаниями можно считать опорным системным жанром (“systemstützendes” Genre)², представляющим общественные ценности в особом типе повествования об образцовом жизненном пути. Изображаемая в таких повествованиях жизнь эталонна, и особым воспитательным значением она обладает не в последнюю очередь потому, что рассматривается чаще всего как необходимый элемент воспитания: такая жизнь служит формированию характера³. Неудивительно поэтому, что начиная с XIX в. было написано немало биографий, адресованных непосредственно юношеской или детской аудитории.

Как презентация жизней, достойных служить примером, биографии, казалось бы, предназначены в первую очередь для того, чтобы конструировать представления о судьбах общественных лидеров. Тем не менее первоначально их героями становились не профессиональные политики, а личности, внесшие весомый вклад в развитие цивилизации. Большая часть жизнеописаний, которые начали появляться на переломе XIX–XX вв., посвящена профессиональным художникам, исследователям, первооткрывателям и изобретателям, святым и героям войн или социально ангажированным личностям. Такие исторические персонажи, как Рембрандт, Амундсен, Бетховен, Флоренс Найтингейл или Мария Кюри, и прежде всего их вклад в жизнь общества, в историю, образовывали стержень биографических текстов. Без идеи «труда во благо», без продуктивной деятельности, без каких-либо заметных достижений на поприще искусства, изобретений, побед или деяний, биография не могла состояться⁴. Сфера же политики была ограничена в первую очередь

¹ Авторизованный перевод М. Р. Балиной и В. Ю. Вьюгина.

² *Hesse-Hoerstrup D. Lebensbeschreibungen für junge Leser: Die Biographie als Gattung der Jugendliteratur — am Beispiel von Frauenbiographien.* Frankfurt a. M., 2001. S. 52.

³ *Dierks M., Eich H. Biographie // Lexikon der Kinder- und Jugendliteratur in 3 Bänden / Doderer K. (Hg.). Bd. 1. Weinheim: Beltz, 1984. S. 173.*

⁴ По этой же причине достаточно поздно появляется «женская биография». Не имея своей собственной «работы», женщины скорее всего становились героинями жизнеописаний лишь благодаря знаменитым мужчинам, с которыми они были связаны.

фигурой властителя — императора, короля, царя, так как именно этими «ролями» долгое время и ограничивался политический репертуар биографических текстов¹.

С момента Октябрьской революции круг исторических личностей, востребованных для биографического изображения и достойных служить назидательным примером будущим поколениям, пополняется типом революционера, а разновидность «труда» — революционной деятельностью. Революционная борьба, соединив в себе понятие «труда», но постоянно размывая это понятие элементами приключенческого нарратива, становится также пригодной для жизнеописаний. В статье «Большая литература для маленьких», впервые прозвучавшей как доклад на Первом съезде советских писателей (1934), С. Я. Маршак, рассуждая об исторической книге, видит ее непосредственную задачу в формировании у юных читателей нового взгляда на прошлое. Такой фокус сделал включение в биографический пантеон новых героев-революционеров не только возможным, но и необходимым².

Композиционное сходство биографий героев, достойных подражания, отнюдь не является простым копированием популярных текстов. Это скорее свидетельствует о том, что «образцовые» биографии строятся по общей нарративной схеме. Какое же место в них отводится детству как периоду становления и формирования личности, зависит от самой концепции биографии. Когда в начале XX в. детство как формирующий этап становления личности становится предметом жизнеописаний, то происходит это в каком-то смысле по аналогии с агиографическими нарративами. Иными словами, в биографиях положительных героев детство представляет интерес только как период, в котором обнаруживаются первые признаки будущего величия или исключительного таланта. Так, например, «истории религиозных откровений часто содержат эпизоды, которые вне всякого сомнения указывают на божественное происхождение или связь с божественным»³ в жизни агиографических персонажей.

Чаще всего в центре «детского» биографического нарратива оказываются дети, обладающие экстраординарными качествами. Несмотря на то что в биографиях долго доминировал лиенарный, хронологический способ презентации, именно детству уделялось довольно мало внимания, так как считалось, что за детством и

¹ *Münkler H.* Die Theatralisierung der Politik // Ästhetik der Inszenierung / J. Früchtl, J. Zimmermann (Hg.). Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2001. S. 144.

² *Маршак С. Я.* Большая литература для маленьких // Собр. Соч.: В 8 т. М.: Худож. лит-ра, 1971. Т 6. С. 241.

³ *Kris E., Kurz O.* Die Legende vom Künstler: Ein geschichtlicher Versuch. Frankfurt a. M., 1995. S. 57.

юношеством, учением и формированием личности, собственно и следует заслуживающий внимания жизненный отрезок времени, так называемый «период созиданий»¹. Вместе с тем в начале XIX в. благодаря особому интересу к детству и юношеству начинают появляться и такие биографии, где этот отрезок жизненного пути сам по себе становится центральной темой повествования, а дальнейшие жизненные достижения мыслятся как само собой разумеющиеся и вытекающие из опыта детства.

Детская лениниана разнообразна: в нее включены тексты, в которых акцент приходится именно на детство вождя, но присутствуют и повествования, где жизнь Ленина представлена в ее хронологической целостности и акцент приходится на поздний, взрослый, период. Сам же Ленин предстает в таких нарративах своеобразным «дедушкой нации», что и подкреплялось особым статусом главного революционера в детском чтении. Советские дети, как показывает К. А. Богданов, выросли как бы вместе с Лениным². Этим фактом и объясняется преобладание в детской литературе рассказов о детстве и юношестве вождя, хотя советские детские писатели не обошли вниманием и события его взрослой жизни.

Любопытно, что в сосредоточенности детской ленинианы на раннем детстве и школьных годах руководителя большевиков можно увидеть явные параллели с традиционным русским «детством», так хорошо прочитанным в автобиографиях от Аксакова или Толстого до Горького³. В литературной трактовке детства, характерной для XIX в., обнаруживается множество топосов, которые позже сыграют свою роль и в биографии Ленина⁴ — например, мотив доброй ласковой матери, способной на все ради своих детей. Здесь же вплетен и трагический элемент, связанный с мотивом смерти отца, оборачивающейся своего рода изгнанием из детского рая, которое в случае с Лениным совпадает еще и с арестом и казнью брата. Такое следование знакомой парадигме интересно еще и потому, что оно ведет к концептуальным девиациям: в конце концов, если иметь в виду, что подобное построение выступает как стилизуемое предреволюционное

¹ Klein C. Einleitung: Biographik zwischen Theorie und Praxis. Versuch einer Bestandsaufnahme // Grundlagen der Biographik: Theorie und Praxis des biographischen Schreibens/ (Hg.), Stuttgart: Metzler, 2002. S. 7.

² Богданов К. А. О Ленине // Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: НЛЮ, 2009, С. 195.

³ О происхождении этих русских мифов см.: Wachtel A. B. The Battle for Childhood. The Creation of a Russian Myth. Stanford: Stanford University Press, 1990.

⁴ Об этих топосах детства см.: Wachtel A. The battle for childhood: Creation of a Russian Myth. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990.

детство, то речь здесь идет о приеме идеализации детского опыта, унаследованном от «старой литературы для привилегированных», как критически замечает Троцкий в своем автобиографическом повествовании 1930 г.¹ Биографический текст, таким образом, раскалывается на два противопоставленных друг другу отрезка — «до» и «после» революции, хотя постреволюционный опыт чаще всего приходится на период взрослой жизни, но тем не менее именно в таком противопоставлении постреволюционный опыт выступает как опыт «нового» поколения, к которому ни автор, ни герой могут и не принадлежать. При этом изображение предреволюционной России обретает явные негативные черты.

На жанр юношеской биографии повлияло принципиальное изменение статуса детства в первые годы существования советской России, поскольку именно дети были самым важным материалом для осуществления проекта по созданию «нового человека». В обращении именно к детским годам вождя сказывался также и читательский спрос, пристрастие юного читателя к героям-сверстникам — как говорил Маршак, «юный читатель любит молодых героев»².

Для утверждения Ленина в качестве «детского» героя советской детской литературы авторы чаще всего пользовались «родственным» принципом и обращались прежде всего к воспоминаниям его сестры А. И. Ульяновой³ и жены Н. К. Крупской, которые подобно самому первому ленинскому «детскому» биографу З. И. Лилиной принадлежали к ближайшему окружению создателя партии и в своих сочинениях сконструировали образ, позже ставший каноническим. Ранние ленинские биографы создавали свои тексты по принципу, согласно которому «исторические личности, как правило, объявляются фореяторами актуальной политической системы»⁴. Поскольку сам Ленин автобиографических свидетельств не оставил⁵, тексты, созданные его близкими и родственниками, постепенно превратились

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. М.: Вагриус, 2001. С. 5.

² Маршак С. Я. Большая литература для маленьких. С. 195.

³ Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. М.: Детгиз. 1935.

⁴ Hesse-Hoerstrup D. Lebensbeschreibungen für junge Leser Die Biografie als Gattung der Jugendliteratur — am Beispiel von Frauenbiografien. S. 51.

⁵ Ср. также: Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1997. S. 76. Н. Тумаркин указывает на то, что написанный совместно с Лениным и изданный Крупской текст «Страничка из истории партии» 1917 г., ближе всего к автобиографии. О. Великанова указывает на то, что к концу жизни при отсутствии автобиографии Ленин активно участвовал в создании собственного общественного имиджа (Великанова О. Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам. Lewiston: The E. Mellen Press, 2001. S. 65).

в образец для всех последующих жизнеописаний вождя мирового пролетариата.

Истории о Ленине — ребенке и юноше — странствовали из одной компиляции в другую, подвергаясь лишь самым незначительным видоизменениям и ретушированию. Их вполне можно отнести к жанру «исторического анекдота» («Anekdoten»), в том виде, в котором этот жанр интерпретировался Э. Крисом и О. Курцем. Сообщаемое в подобного рода микроповествованиях («анекдотах») оказывается таким «дополнением к официальному жизнеописанию, в котором великий человек изображается как вполне ординарный, один из многих»¹. Наряду с такими положительными качествами, как целеустремленность, честность и готовность помочь, в анекдотах прежде всего подчеркивается остроумие и детская наивность героя, одним словом, его настоящая человечность.

Специфика таких «анекдотов» в том, что они не связаны с какой-либо особой трактовкой событий (даже если факты, лежащие в их основе, и приписываются сестре или школьному приятелю). Поступки, описываемые в этих микротекстах, легко узнаваемы, поскольку изображаемые в них маленькие злоключения и проказы характерны для любой детской биографии. Таким образом, жизнь вождя, созданная по лекалам жанра, выявляет главную структурную дилемму советской политической биографии: жизнеописания должны быть обобщающими и типичными для определенной политически ангажированной группы (революционеры, коммунисты, пионеры) и в то же время оставаться единственными в своем роде и исключительными (что и указывает на особый статус вождя). Взаимозависимость этих двух начал не всегда логически осмыслена, перекося в ту или иную сторону особенно заметен, когда центр тяжести в повествовании приходится на детство будущего выдающегося деятеля.

Как уже упоминалось ранее, при конструировании биографии исторических героев, художников или святых детство воспринималось в первую очередь как период, который в той или иной форме предвосхищает их будущее величие; таким образом подлинный детский опыт выносился за скобки и не представлял интереса для биографа. Таковы, например, истории о художнике, который еще ребенком рисовал настолько живо и правдиво, что обращал на себя внимание окружающих, или о юном музыканте, способном сочинять даже без знания нотной грамоты². Но дар политика непросто описать, апеллируя к подобного рода навыкам и талантам. Биографы в этом

¹ *Kris E., Kurz O. Die Legende vom Künstler... S. 31.*

² Ср. также: *Soussloff C. M. The Absolute Artist. The Historiography of a Concept. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997; Hellwig K. Von der Vita zur Künstlerbiographie. Berlin: Akad.-Verl. 2005.*

случае вынуждены обращаться к вполне абстрактной способности говорить, убеждать и вести за собой.

Ленинские детские биографии полны абстрактных обобщений, и такому отсутствию специфики в самих историях соответствует крайняя невыразительность стиля. В конце концов приходится признать, что голоса биографов Ленина лишены индивидуальности и идентифицируются с большими трудностями. Даже воспоминания сестры Ленина близки общему тону повествований о Ленине для детей, таким образом, отдельные биографии становятся вполне взаимозаменяемыми. Из них постепенно складывается замкнутый репертуар легко узнаваемых микротекстов общего характера, лишенных каких-либо признаков индивидуального опыта общения.

Возникновению закрытой системы ленинских биографий способствовали, помимо прочего, и иллюстрации, кочующие из одного текста в другой, незначительно коррегируемые с поправкой на конкретные медиальные формы (графика, фотография, живопись). Визуальный образ маленького вождя следует христианской образительной традиции, в соответствии с которой маленький Ленин напоминает ангела, а его лицо со временем становится все более пухлощеким и округлым. Но внешний образ не есть главное в рассказах о Ленине. Напротив, считается, что для маленького Ленина, как и для других советских детей-героев, не наружность, а внутренний мир является тем, что следует подчеркивать; внешность описывается скорее в общих чертах¹.

Таким образом, идеологическая заданность, выражающаяся в тесной связи ленинской биографии с историей партии и текущими политическими процессами², крайне редко могла быть реализована в детских текстах. Вместо этого в ленинской биографии для детей выделяются два ведущих принципа. Во-первых, это необходимость сделать жизнь вождя близкой и понятной детской аудитории. Во-вторых, на примере таких биографий детям предлагалось конструировать свою жизнь как особый проект, в котором Ленин служил бы объектом подражания. Ленинские биографии тиражируются как разнообразные поведенческие модели, объединенные личностью вождя, но его детские поступки (и проступки) делают для читателей возможным воспроизвести ленинскую жизнь в собственной повседневности. Парадоксально при этом, что как во взрослой литературе,

¹ См.: *Леонтьева С. Г. Жизнеописание пионера-героя: текстовая традиция и ритуальный контекст // Современная российская мифология. М.: Изд-во РГГУ, 2005.*

² *Салова Ю. Г. Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е гг. Ярославль: ЯрГУ, 2001. С. 157.*

так и в детских текстах культовый дискурс мертвого Ленина преобладает над культом Ленина живого¹.

Одна из центральных идеологических задач ленинианы заключалась в том, чтобы, воспитывая детей, подготовить их к вступлению в пионерскую организацию и комсомол. С этой целью был создан ранний, а затем многократно переиздававшийся полубиографический текст З. И. Лилиной «Наш учитель Ленин» (1924)². Уже из самого названия явствует, что каждый изложенный в нем биографический «факт» должен был служить для маленького читателя уроком и моделью замечательного детства и юности. Й. Хелбек в своем анализе дневников сталинского времени показал, насколько усердно дети и подростки ориентировались на данные биографические модели³.

Появившиеся в 1920-е и 1930-е гг. биографии Ленина для детей строились как фактографическое, отчасти хронологически упорядоченное повествование, состоящее из отдельных эпизодов — «микроисторий»⁴. Такие «микроистории» с течением времени обретали все большую независимость и, принимая форму то стихотворения, то новеллы, то фактографических воспоминаний, могли объединяться между собой в самых различных комбинациях. Антологический или альбомный способ презентации — специфическая черта предназначенных для детей биографий Ленина⁵. В нем реализуется принцип повествования, выводящий на первый план

¹ О различении культа мертвых и политического или культурного культа Ленина см.: *Ennker B. Die Anfänge des Leninkultes in der Sowjetunion. Köln: Böhlau, 1997. S. 250.*

² *Лилина З. Наш учитель Ленин. Книжка для детей. Л.: Гос. изд-во, 1924.*

³ *Hellbeck J. Revolution on my mind. Writing a diary under Stalin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006.*

⁴ Далее ссылки даются по: *Лилина З. Ленин маленький. М.: Гос. изд-во, 1929; Зоценко М. Рассказы о Ленине М., Л.: Детиздат, 1939; а также на уже упомянутую книгу: Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. Многочисленные биографические тексты из журналов для детей и юношества, таких как «Барабан» или «Пионер», не привлекаются. Однако можно утверждать, что они следуют тем же образцам и воспроизводят тот же самый материал в сокращенном виде.*

⁵ В этом проявляется явное отличие от биографии Сталина. В то время как лениниана еще отчетливо ориентируется на биографическую модель и сохраняет рудименты исторического повествования о жизни Ленина, тексты о Сталине периода его правления концентрируются не только на его собственных заслугах, но и приписывают вождю чужие заслуги. См., напр.: *Hellman B. Великий друг детей : Образ Сталина в советской детской литературе // Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе [Meetings and Clashes: Articles on Russian Literature]. Slavica Helsingiensia 36. Helsinki, 2009. С. 252.*

элементы личностного поведения и являющийся частью процесса социализации¹. Юный читатель знакомится не только с «историческим Лениным», но и с определенной поведенческой моделью, узнает, что допустимо (небольшие неудачи и проступки, когда вина признается и присутствует намерение исправиться), а что нет. На этапе обособления отдельных эпизодов происходит интересный жанровый сбой: поскольку знание об историческом значении роли вождя предполагается само собой, в центре оказывается личность Ленина как таковая, а не его политическая деятельность. Изображение по большей части безобидных эпизодов — игра с братьями и сестрами, прилежное учение — приобретает специфический характер только благодаря пониманию, что этот примерный ребенок — будущий вождь². Как показывает К. А. Богданов, цель биографических текстов в том и состояла, чтобы показать маленького Володю Ульянова «обыкновенным мальчиком», придав, однако, историям о нем символическое значение, подчеркивающее его исключительность³.

«Микроистории» рассказывают о формировании личности героя довольно живо, без излишней назидательности, свойственной текстам о достойных образцах для подражания: маленький Ленин не предстает скучным карьеристом. Кочующее из разных историй о ленинском детстве ключевое слово «шалун» подчеркивает, что, несмотря на прилежность и доброту, Ленину отнюдь не были чужды проказы и шутки. Таким образом, «секретная история» Ленина⁴ представляет его одновременно и как пример для подражания, и как «человечного» человека.

Биографическая детская литература в некотором отношении следует простой идее павловской рефлексологии о том, что благодаря возбуждению нервной системы можно достичь точно определенной поведенческой реакции и изменить манеру поведения в долгосрочной перспективе. Павловская концепция условных рефлексов с тезисом, что система раздражений способна обуславливать позитивные и негативные виды поведения, ставшая чрезвычайно популярной именно

¹ См. также: *Fivush R., Reese E. The Social Construction of Autobiographical Memory // Theoretical Perspectives on Autobiographical Memory / M. Conway (ed.). Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1992. P. 115.*

² См. также: *Винокур Г. О. Биография и культура. М.: ЛКИ, 2007. С. 32–34.* Винокур указывает на то, что личность в биографии интересна не сама по себе, а как результат развития.

³ *Богданов К. Самый человечный человек // Веселые человечки: Культурные герои советского детства / ред. И. Кукулин и др. М.: НЛО. С. 66–67.*

⁴ *Kris E., Kurz O. Die Legende vom Künstler... S. 31.*

в 1920-е гг., сказала и на детской литературе¹. Так, например, в работах Крупской формулируются «основы материалистического мировоззрения подрастающего поколения», которые должны были закладываться в самом раннем детском возрасте. Детская литература должна была содействовать формированию такого мировоззрения, оказывая на новое поколение эмоциональное воздействие и предоставляя ему образцы для подражания². Вновь и вновь в статьях о детской литературе Крупская выражает убежденность в том, что центральной задачей детской литературы является задача воспитательная. Та же идея четко проговаривается и в оставленных ею воспоминаниях о Ленине, в которых мемуаристка предлагает, кроме прочего, политически корректную модель жизнеописания для детей, опираясь при этом на понимаемый в духе Руссо принцип близости детей природе³. При такой установке на литературу речь идет, во-первых, об учреждении нарративного образца для биографий⁴ и, во-вторых, о создании достойного подражания образцу примерного поведения.

Детская биография наглядно демонстрирует, что негативное поведение — ложь, ссоры, мелкое воровство, раздражение — никогда не приводит к позитивному результату или, что еще более важно, к позитивным эмоциям, а напротив, наказуемо, если не физически, то муками беспокойной совести. Хорошее поведение — солидарность, жертвенность, широта натуры, прилежание, — напротив, позволяет пережить радость признания других: родителей, учителей, братьев и сестер, друзей, пионеров, — при этом являясь еще и источником собственной гордости и радости.

Мысль о революционере как образце для подражания Маршак, например, вкладывает в уста шести пионеров из Ярославля, цитируя полученное от них письмо с просьбой: «Пишите о том, как дружба и хорошие примеры меняют человека» и «Напишите о жизни революционеров»⁵. В этом действительно политизованном контексте особенно бросается в глаза, что образ Ленина формируется не как образ предтечи революции, а как образ хорошего ученика, послушного сына, чьи приключения ограничиваются сферой собственного

¹ Ср.: *O'Dell F. Socialisation through Children's Literature: The Soviet Example. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1978. P. 48.*

² *Крупская Н. К. Детская книга — могущественное орудие социалистического воспитания // Крупская Н. К. О детской литературе и детском чтении: Статьи и высказывания / Сост. А. Кравченко. М.: Детгиз, 1954. С. 37.*

³ Там же.

⁴ В последнее время становление «советской биографии» и эготекстов исследуется интенсивно. См.: *Hellbeck J. Revolution on my mind... P. 1–15.*

⁵ *Маршак С. Я. Большая литература для маленьких. С. 202.*

дома. Центр тяжести в таких повествованиях перенесен прямо на воспитательную функцию подобных текстов: вопрос, на который надлежит ответить биографическим рассказам, это вопрос о том, как стать таким, как Ленин.

Чтобы показать, как функционирует данный биографический принцип, рассмотрим несколько конкретных эпизодов из жизнеописания Ленина, взяв в качестве основы тексты З. И. Лилиной, М. И. Ульяновой и М. М. Зоценко. Во всех трех книгах повествование, с одной стороны, основано на хронологическом расположении эпизодов в соответствии с принципом биографической временной конструкции, а с другой — вновь и вновь выходит, что подобные нарративы отвергают собственную эволюционную логику, поскольку Ленин-ребенок с самого начала совершенен и, будучи таковым, требует лишь самых минимальных изменений и улучшений.

Свое символическое выражение эта точка зрения находит в истории о разбитом графине¹. Во время одного из визитов к своей тете Володя разбивает графин и лжет, когда она пытается найти виновника. Мучимый совестью, он, однако, открывается матери, которая настаивает, чтобы он признался тете в содеянном. В трактовке биографов этот эпизод наделяется этическим значением и иллюстрирует мысль о том, что ложь была отвратительна Ленину с самых ранних лет, что он обладал повышенным чувством справедливости, которое даже в юности не позволяло ему успокоиться, пока не восторжествует истина. Воспитательная функция рассказа проста и понятна ребенку, ведь в конечном счете ни в злословии, ни во лжи, ни в последующем раскаянии нет ничего выдающегося.

Интересно и то, что в лениниане абсолютно отсутствует фигура воспитателя: ранняя смерть отца и брата оставляет после себя вакуум, который никак не тематизируется и ничем другим не заполнен. Воспитание существует в ленинской биографии для детей только как самовоспитание, как выражение ленинской воли к самосовершенствованию, что усиливает дидактический компонент биографии: ведь каждый отдельный поступок и выстроенная как цепь таких поступков целая жизнь содержит определенную отсылку — будь таким же, как он, следуй его примеру.

С особой очевидностью дидактичность проявляется в истории о том, как Ленин отучился от одной скверной привычки. Этому эпизоду из жизни Ленина-школьника М. Зоценко посвящает рассказ под названием «Как Ленин бросил курить»². Семнадцатилетний

¹ Зоценко М. Рассказы о Ленине. С. 3–7; Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. С. 13.

² Зоценко М. Рассказы о Ленине. С. 17–20.

Ленин курит и с большим трудом, как любой курильщик, пытается преодолеть свой порок. Заботящейся о его здоровье матери удается убедить сына отказаться от курения только при помощи аргументов этического свойства: средства, которые растрачиваются на сигареты, можно было бы употребить на благо семьи. Последнего оказалось достаточно, чтобы окончательно склонить Ленина к отказу от своего пристрастия.

Там, где другие нуждаются во враче, терапии и тем не менее часто терпят неудачу, Ленину, согласно Зоценко, достаточно чисто волевого решения. Рассказ заканчивается констатацией и императивом: «Это был сильный человек с железной волей. И всем людям надо быть такими же, как он»¹. Очень похожая формулировка принадлежит его сестре Марии: «У Владимира Ильича с самых детских лет была очень характерная черта: все, за что он ни брался, он выполнял всегда очень хорошо»². Из характерной уже для юноши Ленина черты выводится основной поведенческий код — стараться все и всегда делать наилучшим образом, доводя до конца то, что начато. Наставления, которые вытекают из рассказа о жизни Ленина, зачастую напоминают руководство типа «Помоги себе сам»: занимайся спортом, правильно отдыхай и делай перерывы, здраво перемежай работу и игру; как, например, в тексте Зоценко под названием «Как Ленин учился»³.

В текстах Лилиной особенно заметно, как правила поведения постепенно высвобождаются из сюжетной канвы о ленинской жизни и, превратившись в обобщенную формулу, перестают нуждаться в конкретной иллюстрации. Лилина констатирует только, что Ленин помогал своим товарищам, всегда делился с ними обедом. Из разрозненных эпизодов едва ли возникает единый когерентный текст — это скорее коллаж ключевых ситуаций, каждая из которых призвана проиллюстрировать либо одну из черт будущего характера (таких как «железная воля», «скромность», «честность» или «трудоспособность»), либо вывести соответствующую поведенческую максиму. Их легче рассматривать, по Фуко, как «упорядоченные и дискретные серии»⁴, которые выполняют свою функцию в рамках дискурса воспитания и, что самое важное, самовоспитания. В них больше не звучит «гимн индивидуальности», как сказал бы Л. Левенталь, поскольку те индивидуальные качества, которые призваны выделить

¹ Там же. С. 20.

² Ульянова М. И. Как? Белую тетрадку черными нитками? // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 1. С. 197.

³ Зоценко М. Рассказы о Ленине. С. 16.

⁴ Foucault M. *Die Ordnung des Diskurses*. Frankfurt a. M., Ullstein, 1977. S. 41.

ленинскую биографию из общей массы биографических текстов сами становятся «предметом потребления»¹, перенесенным в качестве общей поведенческой модели в тексты революционных биографий.

Подобные наблюдения становятся еще более очевидными при сравнении жизнеописания Ленина с другими типичными биографиями для детей, где такими же исключительными качествами наделяются пионеры или комсомольцы — герои Великой Отечественной войны, как, например, Зоя Космодемьянская. Ведь сами по себе ленинские «микроистории» знаменательны только тем, что героем их является Ленин; в противном случае едва ли кто заинтересовался бы рассказом о маленьком мальчике, который выгоняет спрятавшуюся сестру со словами «Шагом марш из-под дивана!»², или о его маленьком брате, который боится страшной песни³. Последняя история особенно красноречива, если иметь в виду ее дидактический посыл. Сюжет фигурирует в биографических повествованиях двух авторов — сестры Ленина и Зоценко, который, по всей вероятности, работал именно с этим текстом как основой своих рассказов для детей. Но если Ульянова приводит его в качестве примера ленинских проказ: «Помню, что я ссорилась из-за этого с Володей, возмущалась, что он дразнит маленького», — в трактовке Зоценко он соотносится с воспитательной программой, превращающей испуг в способ закаливания характера младшего брата.

Однако подобные эпизоды обязаны своим существованием прежде всего двум характерным для детской ленинианы принципам — обязательной занимательности сюжета и принципу «очеловечивания» образа вождя. Ленинская биография занимает срединное положение в детской литературе, колеблющейся между двумя тенденциями — тенденцией к развлечению и веселому анекдоту, с одной стороны, и тенденцией к дидактизму и педагогическому примеру — с другой. Например, Е. Флерина, критикуя развлекательные тенденции в детской литературе, особенно в плане социально-политической тематики, приходит к следующему выводу: «Это есть не что иное, как недоверие к теме и недоверие, неуважение к ребенку, с которым не хотят говорить всерьез о серьезных вещах»⁴. М. Горький же в своем

¹ Löwenthal L. Die biographische Mode // Löwenthal L. Schriften Literatur und Massenkultur. B. I. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. S. 245.

² Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. С. 6; Лилина З. Ленин маленький. С. 4.

³ Зоценко М. Рассказы о Ленине. С. 8–11; Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. С. 16.

⁴ Флерина Е. С ребенком надо говорить всерьез // Литературная газета. 1929. 30 декабря (№ 37). Цитируется по: Маршак С. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1971. Т. 6. С. 631.

ответе Флериной, отвергая ее позицию как ограниченную, представляет противоположный взгляд на вещи и усматривает в юморе сильное освобождающее начало¹.

Остается тем не менее вопрос: какой политический урок может быть извлечен из рассказов о маленьком Ленине, какой идеологической задаче они отвечают? Определенно, рассказы удовлетворяют страсть юных читателей к увлекательным историям о жизни революционеров в подполье и ссылке. Но появляются они скорее в качестве ответа на другой вопрос, более частного характера, а именно: каким ребенком был Ленин. Интерес к сфере частной жизни убеждает, что в детской биографии Ленина, этой специфической медиальной репрезентации умершего вождя, причудливо соединяются элементы агиографии и прямо-таки современного культа звезд, основанного на интеграции публичного и интимного. Обращение к детству позволяет показать Ленина не в роли политика, а в роли сына, брата, ученика, сорванца. Обращение к приватной сфере представляет вождя доступным и человеческим.

Показательно в данной связи, что ленинские жизнеописания не примыкают к другому в то время почти столь же популярному дискурсу, который юные читатели высоко ценили, — жизнь революционного вождя как авантюрное повествование². Никто не пытался стилизовать Ленина под героя, напоминающего красного графа Монте-Кристо или Кожаного Чулка революции. Детские биографии обходятся в целом без описания подлинной «работы», подлинного «деяния», так как историческая роль Ленина в 1917 г. не нуждается в дальнейшей интерпретации³.

Изображение Ленина дисциплинированным школьником или работником на службе у революции следует воспринимать помимо прочего еще и как подготовку читателя к будущей социальной роли,

¹ «Вопрос, задетый Флериной, — серьезнейший вопрос о методе, о приемах воспитания детей. Флериная решает его категорически, но это решение чеховского “человека в футляре”, — человека, уши которого заткнуты ватой» (*Горький М. О детской литературе: Статьи, высказывания, письма. М.: Дет. лит., 1968. С. 101*).

² «Во множестве писем читателей повторяется настойчиво просьба о том, чтобы старые большевики рассказали про свое революционное прошлое, про жизнь в ссылке, про бегство из тюрьмы, про то, как они работали в военных подпольных организациях на фронте...» (*Маршак С. Я. О большой литературе для маленьких. С. 241*).

³ Интересно вместе с тем, что они следуют скорее модели литературной, чем политической биографии. Ср.: *Alt P.-A. Mode ohne Methode? Überlegungen zu einer Theorie der literaturwissenschaftlichen Biographik // Grundlagen der Biographik: Theorie und Praxis des biographischen Schreibens/ C. Klein, (Hg.). Stuttgart: Metzler, 2002. S. 28–29.*

которую ему предстояло определенным образом исполнять и которой требовалось соответствовать при намерении стать как пионером, так и членом партии и тем самым закрепить себя в сфере политически активной жизни.

Как в этом смысле интерпретируются биографические эпизоды, показывают многочисленные работы об изображении Ленина с детьми. Вопрос, каким образом дети воспринимают Ленина и какие ритуализированные формы приобретают истории о нем в детской культуре, возник очень рано. Уже в 1924 г. М. Маркович указывала на то, «что в играх роль Ленина дается всегда самому достойному из детей», и приводила следующий пример: «...Ты очень любишь сладкое, ты не можешь быть “Лениным”, — заявляют ребята лакомке Пете»¹. Такой вывод вполне соотносим с дидактическим уроком, извлекаемым из истории о том, как «Ленин бросил курить», где речь тоже ведется о необходимости преодоления собственных слабостей или недопустимости роскоши и богатства. Те, для кого маленький Ленин является идеалом, не могут лгать, лениться или быть лакомкой; они должны усердно работать над собой и всегда стремиться быть лучше, чище и благородней. В контексте более поздних сталинских дискуссий о самовоспитании эти тексты приобретают особое значение. Й. Хельбек приводит ряд примеров, показывающих, как юные читатели, ориентируясь на данную модель, соотносили собственные усилия с биографическим чтением о силе воли Ленина².

Рассказы о Ленине, таким образом, дают ответ еще на один, возможно, не менее важный вопрос: как себя вести, если хочешь стать достойным советским гражданином? Таким образом, ответы на подобные вопросы не только поддерживали ленинский культ в целом, они еще и формулировали на примерах детских текстов новую советскую поведенческую модель.

В этой связи особенно показательны опубликованные в 1920-е гг. антологии детских рассказов и игр, связанных с образом Ленина. С одной стороны, их можно рассматривать как документы, отражающие рецепцию, а с другой — как документы формирующие ее. Они показывают, как литературный герой «Ленин» воспринимался и интерпретировался детскими читателями в качестве образца³.

¹ Маркович М. Дети о Ленине // Вестник просвещения. 1924. Т. 3. № 10. С. 104. Маркович описывает, как дети интегрируют Ленина в свои игры.

² «Никто не обладал такой силой воли, как Ленин, наиболее сознательный из всех большевистских лидеров. Вишневецкий, один из ведущих дневник, изучая жизнь Ленина, пытался найти способ, чтобы самому обрести часть ленинской железной воли...» (Hellbeck J. Revolution on my mind... P. 70.).

³ Дети-дошкольники о Ленине / Под ред. Р. Орловой и др. М.: Гос. изд-во, [1924]; Дети о Ленине / Под ред. Н. Сац. М.: Новая Москва. 1925.

Предельно эксплицитно это выражается в сборнике Р. Орловой «Дети-дошкольники о Ленине», изданном в 1924 г.¹ В книгу включены различные высказывания, рисунки и документы, разбитые тематически по таким категориям, как «Портреты Ленина», «Оценки тов. Ленина и отношение к нему детей» или «Ленин как идеал». Именно в этой главе Орлова пробует с разных сторон приблизиться к идеальной стороне ленинской биографии как объекту подражания. Начиная свой текст вопросом «Что надо делать, чтобы быть Лениным?», автор не позволяет своим маленьким читателям усомниться в правильности выбора объекта для подражания. Рассказ завершается утверждением: «Я хочу быть Лениным»².

Биографии, выстроенные по таким правилам, дают идеальный образец для самовоспитания еще и потому, что, несмотря на конкретную связь с личностью Ленина, они очень общи по содержанию, и как раз благодаря этой обобщенности имеют особую педагогическую ценность. Кто не пожелал бы иметь сильную волю и быть дисциплинированным? В 1980-е гг., после почти шестидесяти лет дискурсивного культивирования и институциализации образа Ленина как советского ролевого прототипа, советский человек оказался в плену визуальной и вербальной ленинианы: «Ленин приходит к человеку, можно сказать, с рождения. Ребенок видит портрет на стене. Ему говорят: “Это Ленин”. В сквере, в парке, на городской площади стоит памятник. Ребенку говорят: “Ленин”. Имя Ленина звучит в песнях, в речах, в душевных беседах — всюду. И ребенок, едва научившись говорить, спрашивает: “Кто это — Ленин?” На этот вопрос отвечают книги».

Книги, призванные ответить на вопрос о том, кто такой Ленин, — это большей частью биографические рассказы. Поначалу речь идет о том, чтобы при помощи биографических повествований революционный вождь закрепился в сознании детей как символический лидер, затем — о том, чтобы однажды утвердившейся символической фигуре сообщить добавочную (коммуникационную) ценность, которая бы действовала вне зависимости от персоналий. Уже в 1925 г. Н. И. Сац указывала, что пересказы биографии являются важнейшей составной частью продуктивного усвоения ленинского идеала, к которой постоянно обращаются педагоги и к которой также относится сочинение песен, небольших пьес и рисование картин о Ленине³. Образ Ленина и рассказы о нем постоянно держат в центре внимания идею

¹ Дети-дошкольники о Ленине: сборник / Прокофьева Р. Конторович и Д. Торговец; под ред. Р. Орловой. СПб.: Красный матрос; М.: Гос. издат., 2007 (Репринт).

² Там же. С. 57.

³ Дети о Ленине. С. 4.

причастности к революции, т. е., согласно Барту, даже не символизируя революцию, все время маркируют само ее присутствие¹. Биографии Ленина размывают границу между фактическим и идеальным поведением, между аутентичным и фиктивным, становясь, по словам Г. О. Винокура, «канон и предписанием»², т. е. предписанием для жизни. Доминирующий дидактический характер детской ленинианы подтверждается ее долголетней рецепцией.

На фоне сегодняшнего исторически обусловленного недоверия к политикам борец за правду — революционер — перестал восприниматься в роли культурного лидера и моральной инстанции и был изгнан из пантеона героев. Детская лениниана, так повлиявшая на создание дидактических биографий, также оказалась невостребованной и переместилась в область литературоведческих исследований. Парадокс же текстов о Ленине, написанных для советских детей, заключается в том, что лишенная конкретных жизненных примеров ленинская биография превратилась в неизменный «факт», не подлежащий ни критике, ни ревизии, и благодаря этому сумела закрепиться и как метажанр, и как метаистория.

¹ *Barthes R. Mythologies // Barthes R. Œuvres complètes. T. 1. Paris : Éd. du Seuil du Seuil, 1993. P. 697.*

² *Винокур Г. О. Биография и культура. 53.*